

3. **Мурзаев Э.М.** Словарь народных географических терминов: В 2 т. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1999. С. 144.
4. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1978-1980. С. 44.
5. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М., 1986-1987. С. 701.
6. **Тлумачальны слоўнік беларускай мовы.** У 5 т., 6 кн. / Пад рэд. **К.К. Атраховіча.** Т. 3. Мн., 1977. С. 286.
7. **Добровольский В.Н.** Смоленский областной словарь. Смоленск, 1972. – 694 с.

S U M M A R Y

The paper deals with the problems of the names of lakes in the Vitebsk region. The models of the lake nomination for the Northern Belarus are prescribed.

Поступила в редакцию 5.09.2002

УДК 808.2-5

А.Е. Оксенчук

Концепт «дурак» в русской языковой картине мира

Слово «дурак» едва ли ни самое популярное среди носителей русского языка. С его помощью выделяют не столько определенную группу людей, обладающих рядом характерных признаков, сколько квалифицируют поведение любого человека в случае нарушения им различных социальных стереотипов. В.И. Даль наделяет дурака следующими признаками: «*глупый, тупой, непонятливый, безразсудный, малоумный, безумный, юродивый*» [1], – совершенно очевидно, что любой человек в ряде случаев может стать носителем некоторых из этих признаков.

Цель нашей статьи – выявить культурно-национальную специфику образа дурака, сложившегося в русской языковой картине мира.

Язык фиксирует коллективные стереотипные и эталонные представления о человеке, называемом «дураком». Эти представления отражены в первую очередь в лексическом фонде языка, в частности, в его фразеологии. В системе языка лексико-семантическое поле «дурак» включает: синонимы – *тупица, глупец, шут, юродивый*, называющие различные признаки нестандартного поведения или качеств человека. *Тупица* – это человек, у которого «*малая скорость восприятия и обработки информации, низкая степень способности к интеллектуальной деятельности*» (*беспросветный тупица*); *глупец* – «*человек, неспособный к интеллектуальной деятельности*» (*глупый, что малый, глупому не страшно и с ума сойти*); *шут* – тот, кто «*избрал для себя роль дурака*» (*шут полосатый, шут гороховый*); *юродивый* – «*непохожий на остальных во всем изначально*». Антоним – *умный*, выделяется на основе признака – «*высокая степень способности к интеллектуальной деятельности*»; создание оксюморона *умный дурак* возможно не только и не столько благодаря парадоксу, сколько закрепленному в сознании русского человека еще одному качеству дурака – иметь особое видение природы вещей, тем самым проявлять свой особый ум (например: *не будь дураков на свете, не стало б и разума; дурак завяжет и умный не развяжет*).

Во фразеологическом и паремиологическом фондах русского языка сохранились единицы, с помощью которых о дураке говорят как о человеке, чье поведение оценивается неодобительно-отрицательно. В таких фразеологизмах, как базовые используются слова-компоненты *дурак, голова*, например, *набитый дурак, петый дурак, валять дурака (дурочку), оставлять в дураках, дурень дурню розь, нашел дурака, дураку закон не писан, ищи дурака, дурак с замочкой, большой руки дурак и др.*; *голова соломой набита, без царя в голове, голова садовая (еловая), дубовая голова, дурья башка, мякинная голова*. Слово-компонент *дурак* маркирует фразеологизмы в идеографическом аспекте: с их помощью называется такое поведение, когда один из участников ситуации (некто У) не позволяет/позволяет квалифицировать свои действия как *нарушающие социальный стереотип*. Так, например, в идиоме *нашел дурака* описана ситуация, когда некоторый субъект Х навязывает другому субъекту – У поведение, связанное с нарушением его планов, интересов, т.е. ему предлагается вести себя так, как если бы У являлся самим Х-м и был заинтересован в реализации его планов и его интересов. Фрейм, который соотносится с такой ситуацией, может включать следующие знания: поведение, для которого характерно идентификация себя самого с другим, отказ от своего Я, нивелирование своих личностных характеристик свойственно людям психически неразвитым, интеллектуально ущербным, т.е. неспособным в принципе выделиться из группы других в силу природного недоразвития – поведение таких людей нарушает норму. Эта категория людей квалифицируется в языке с помощью лексемы «дурак» (любопытно значение русск. диал. дурь-«гниль»; др.-прусск. *durai* «боязливо»; лит. *radigmai* «стремительно», см.подробнее [2]), которая закрепляет в своем значении признаки несвойственного большинству людей поведения, которое оценивается как *нестандартное*, а значит – опасное. Лингвокреативное мышление отображает сцену с субъектом дурак в виде протоситуации, которая абстрагирована от деталей и включает признаки: поведение субъекта, называемого «дурак», *характеризуется нарушением существующих стереотипов*; такое поведение опасно для других участников ситуации, чье поведение соответствует принятой норме. При соотношении такой протоситуации с образной микроструктурой (гештальтом) обнаруживаются совпадающие признаки: 1) нарушение нормы поведения; 2) опасность такого поведения для человека, квалифицирующего самого себя как соответствующего норме. В идиоме *нашел дурака* совмещается в одно категоризирующее номинативное основание смыслы – «поведение, нарушающее норму», «отказ от своей личности» и образное основание – «интеллектуально и психически ущербный человек, противопоставленный всем остальным как непредсказуемый, т.е. опасный». В этой идиоме – *нашел дурака* – сближение эмпирического образа – дурака и номинативного замысла – «навязать нестереотипное (несоответствующее норме) поведение» – создает условие для психического напряжения с последующим развитием эмотивной оценки – *осуждения* такого поведения и рациональной *отрицательной* оценки.

Лексема *дурак* в составе идиом реализует значения, отображающие типовые представления носителей языка, являющиеся одним из источников культурно-национальной интерпретации [3]:

«ситуативно выгодная роль» (*валять дурака, на дурака вся надежда, строить из себя дурочка*), «ситуативно невыгодная роль» (*оставить [оставаться] в дураках, не будь дурак*), «нестандартный человек» (*большой руки дурак, петый дурак, круглый дурак, набитый дурак, дурень дурню розь, страна дураков*), «эталон глупости» (*нашел дурака, напал не на дурака, дураку закон не писан, ищи дурака*), «препятствие к достижению цели» (*связись с дураком, дай дураку волю, с дураком поневоле согласишься*).

Фразеологизмы с компонентом *голова*, используемые для оценки низких интеллектуальных способностей (одна из характеристик того, кого квалифицируют как дурака) сохраняют культурно-национальное понимание интеллектуальной нормы и культурные образы дурака, возникшие в процессе создания протоситуаций идиом с эмотивно оценочным типом метафоры (см. подробнее [4]). Компонент *голова* во фразеологизмах, используемых для квалификации человека как дурака, имеет символическое значение – «центр интеллекта, разума» (*голова соломой набита, дубовая голова, голова садовая, дурья голова*). Такие фразеологизмы называют одним из признаков дурака – *неспособность или низкая способность к интеллектуальной деятельности*. Мотивационной основой таких идиом является образ *чучела*, которое символизировало в языческих празднествах (веснянках, на Купалу, Костробунько) мифическое божество, предназначенное для ритуального уничтожения (эти чучела в конце праздника сжигали или топили [5]). Позднее чучело стало выполнять функцию имитатора самого человека (чучело в поле для отпугивания птиц, чучело огородное и т.п.). Смысловое сближение лексем «дурак» и «чучело» основано на общности признака – «ненормальный человек, квазичеловек, замена подлинного человека, игрушечный человек».

Между тем, в паремиологическом фонде русского языка образ человека, называемого дураком, представлен более полно и позволяет обнаружить его сугубо русские культурно-национальные черты. Так, интеллектуальные качества дурака в русских пословицах почти «не обсуждаются», напротив ряд образных выражений сохраняет оценку удивления-одобрения перед особым «дурацким» умом и везением: *хоть дурак да съел бурак, а умный так; дурак и в бочке сидя волка за хвост поймал; дураку-то и отсталого дают*. Чудесная удачливость героя национального фольклора, Иванушки-дурака, стала иллюстрацией национального миропонимания (не рационально-логического, а иррационального): гармония мира и человека, его социальный успех обусловлены способностью к синтетическому, а не аналитическому или наивно-бытовому мышлению (в русском фольклоре вообще не очень-то поощряется процесс собственно «думания»: *думать хорошо, а отгадать и того лучше; догадка лучше ума; думает индейский петух, думает плотник с топором, да писака с пером; дума что борода: лишняя тягота; от большого ума досталась сума*). В русском сознании образ Иванушки-дурака является эталонным и заключает в себе главное качество – созерцательное отношение к действительности, принятие ее и себя в ней в уже существующем виде: *дураку везде счастье*. Такое состояние восприимчивой пассивности и обеспечивает удачу и в конечном итоге – жизненный успех главного героя русских сказок. По верному замечанию А. Синявского, «дурак не доверяет ни разуму, ни органам чувств, ни жизненному опыту, ни наставлениям старших, потому что как никто другой доверяет Высшей силе. Он ей – открыт» [6]. Вероятно, поэтому большая часть паремий утверждает бесполезность обучения дурака традиционным путям и моделям познания: *дурака учить, что мертвого лечить [решетом воду носить] – только портить; когда солнце орла пожрет, камень на воде всплывет, свинья на белку залает, тогда дурак поумнеет; с дураком говорить – в стену молотить; дурака пошлешь, а за ним и сам пойдешь*. Русский народ отмечает также, что *глупый да малый всегда говорят правду*. Таким образом, об умственных способностях человека, называемого дураком, в русской культуре судят как о нестандартных, нарушающих общепринятые бытовые представления.

Интересны выражения, отражающие отношение к дураку как к чему-то неприятному, но повсеместно существующему, к тому, с чем необходимо смириться: *дома не так, а в людях дурак, нашего бога дурень, на наш век дураков много, за дураками не за море ездить и дома есть, у нас дураков семь*

байдаков, да еще и угол не почат, много на свете дураков: всех не перечтешь, дурак дурацкое и делает, дураку везде простор. Возникновение дурака воспринимается как нечто естественное, само по себе существующее в мире, а не окказиональное или криминальное: дурак, что мутовка: куда выросла рогуля, туда и торчит, как рожены так и заморожены, дураков не орут, не суют, а сами рождаются, дурак сам скажется. Дурак, дурацкое, таким образом, расценивается в русском сознании как нечто само собой разумеющееся, имеющее право на существование и свою специфику. Эта специфика определяется еще и таким свойством дураков, как нарушение существующего порядка, стремление к хаосу, путанице, шуму: дурак с дураком съедутся – инно лошади одуреют, дурак с дураком сходились, друг на друга дивились, дурак давку любит, свалка – дураков простор, дурак дурака и хвалит, [и тешится, и потакает]. Человек, определяемый как дурак, постоянно пребывает в радости и веселье, немотивированных, с точки зрения большинства людей, но эти его эмоции обладают такой силой, что часто вызывают смех самих окружающих: дураку все смех на уме, дурацкий смех – не смех, а плач, рад дурак своей масти, рад дурак, что дуру нашел, дурак дураку рад, чужой дурак смех, а свой дурак – стыд. Единственным способом совладания с дураком считается – физическая расправа, ее дурак побаивается, как и всякий другой человек, хотя и эта мера признается как малоэффективная: умный слова боится, дурак – плети, дурака и в алтаре бьют, дурака бьют, а умный не суйся, про всех дураков не напасешься кулаков, не вольна в дураке и дубинка. Наоборот, паремии закрепляют народный опыт, признающий бесполезность каких-либо мер исправления дурака, его «невписанность» в человеческий стандарт и поэтому особую силу: над дураками нет старосты, дураку закон не писан, в дураке и царь не волен, на дурака и мухи не садятся, лучше слыть озорником, чем дураком, с дураком и найдешь – не разделишь, от дурака плюнь, да отойди, ленивого дошлюсь, сонливого добужусь, а с дураком не совладаю, от черта – крепостом, от медведя – перстом, от дурака – ничем.

Итак, проведенный нами анализ языкового материала, позволяет сделать вывод, что в русской языковой картине мира образ того, кто квалифицируется как дурак, включает следующие характеристики: дурак – это тот, кто своим поведением и интеллектуальной деятельностью нарушает норму, разрушает социальные стереотипы и поэтому оценивается неодобрительно. Быть дураком может быть ситуативно выгодно. В образе дурака также закрепляется представление как о чем-то ненастоящем, игровом. Главным же является непохожесть дурака на всех остальных. Эта непохожесть особого рода: ее природа необъяснима и загадочна и поэтому опасна.

В русской языковой картине мира закреплено и такое представление о дураке, как о чем-то неизменяющемся, некоем эталоне предела интеллектуального и психического развития: *через дурака перерос, до умницы не дорос. Время перестает иметь отношение к тем, кто квалифицируется как дурак: дураку, что ни время, то и пора; дурак времени не знает; дураком родился, дураком и помрешь* – это обуславливает, в свою очередь, некое завидное положение дурака как существа, связанного с тайной жизни, дурак всегда – дитя малое, поэтому обидеть дурачка – большой грех. Идентификация того, кто назван дураком, с ребенком, остановившемся в развитии, на наш взгляд, определяет культурно-национальную интерпретацию этого образа. Такая интерпретация нашла закрепление и дальнейшее развитие в авторских текстах русской литературы. В произведениях русских писателей («Идиот» Ф. Достоевского, «Юшка» А. Платонова, «Дурочка» И. Бунина, «Чудик» В. Шукшина и др.) образ дурака символизирует потерянную человеческую суть – безграничное доверие к миру и другим людям, святую неспособность ко Злу.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Даль В.И.** Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. 2-е изд. М., 1955. С. 501.
2. **Фасмер М.** Этимологический словарь русского языка. 2-е изд., стер. М., 1986. С. 555.
3. **Оксенчук А.Е.** О роли апплицированных образов в формировании культурной семантики русских идиом // Язык, слово, действительность: Материалы международной науч. конф. Мн., 1997. С. 186-189.
4. **Телия В.Н.** Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М., 1996.
5. **Костомаров М.І.** Слов'янська міфологія. К., 1994. С. 290.
6. **Синяевский А.Д.** Иван-дурак: Очерк русской народной веры. М., 2001. С. 43.

S U M M A R Y

The author of the article sets a purpose to consider the cultural and national specification of the image of the fool in the language of the world. Russian idioms and proverbs were used as a material of analysis.

Поступила в редакцию 4.03.2002

УДК 882.6

В.Ф. Падстаўленка

Спецыфіка твораў з элементамі сказавай формы Лукаша Калюгі

Перыяд 20-30-х гадоў мінулага стагоддзя – трагічна-парадаксальны час у гісторыі беларускай літаратуры. Ва ўмовах паскоранага развіцця наша літаратура пашырыла ідэйна-тэматычныя дыяпазоны творчага адлюстравання рэчаіснасці, узяла на ўзбраенне новыя мастацкія метады і прыёмы і пачала засваенне «злабадзённых» жанравых форм: фельетон, памфлет, гумарыстычна-сатырычнае апавяданне, сказ. Апошні з пералічаных жанраў-сказ, маючы старажытны генезіс і арганічна відазмяняючыся ў ходзе развіцця літаратуры, у першай трэці ХХ ст. канчаткова замацоўвае ўласнажанравую спецыфіку. Даследаваннем жанру сказа займаліся вучоныя ўжо з пачатку мінулага стагоддзя. Першай спробай навуковага вывучэння гэтага пытання стала праца Б. Эйхенбаума «Паэтыка» (1919), пасля з'яўляюцца кнігі Н. Кажэўнікавай «Пытанні мовы сучаснай рускай літаратуры» (1971), В. Вінаградава «Паэтыка рускай літаратуры» (1976), калектыўная праца вучоных-літаратуразнаўцаў Варонежскага універсітэта «Паэтыка сказа» (1978), навуковае даследаванне М. Федзя «Зяленая галіна літаратуры. Рускі літаратурны сказ» (1981). У беларускім літаратуразнаўстве гэты жанр дэталева яшчэ не вывучаны і патрабуе аналізу для вызначэння асаблівасцей бытавання твораў сказавай формы ў нацыянальным літаратурным працэсе. Між тым, праяўленне элементаў сказа (сказа ў значэнні «літаратурны жанр») мае арыгінальны характар у беларускім апавядальным эпасе гэтага перыяду («Лук'ян – каперацыйскі сабака», «Трахім з Пагулянкі» Л. Калюгі, «Дурная галава» М. Гарэцкага, «Цмок» В. Ластоўскага).

У дадзеным артыкуле мы спынемся на асобных спецыфічных рысах (жанрава – стылевай і праблемна – тэматычнай накіраванасці), уласцівых твораў